

A person is seen from behind, walking away on a dirt path through a forest. The trees are covered in vibrant autumn foliage in shades of orange, yellow, and red. In the background, there are tall, layered rock formations, possibly sandstone, that create a narrow canyon-like path. The overall atmosphere is serene and scenic.

Альберт Горошко

Про друга, который улетел

Альберт Горошко

Про друга, который улетел

<https://litres.ru/54821782>

SelfPub; 2025

Аннотация

Иногда трудно понять, но еще труднее принять то, что уже незаметно случилось. Вернуться назад уже невозможно. Про друга, который улетел это не просто мистическая история, а глубокое размышление о хрупкости жизни и ценности человеческих связей. Через лаконичный сюжет и точные художественные детали автор создаёт мощный эмоциональный эффект, заставляя читателя задуматься о том, что остаётся после ухода.

Альберт Горошко

Про друга, который улетел

1

Иногда мне кажется, что мои мечты и видения – это не просто вымысел и рефлексия блуждающего самое в себе сознания. Уже много лет я вижу один и тот же сон о Земле. Я вижу ее, голубую, зеленую, с красивыми городами, где нет ни души, но которые украшены величественными соборами, церквями, полуразвалившимися замками и дворцами. Когда я смотрю на Луну в бинокль, разглядывая разбросанные по ее поверхности сверкающие кольца кратеров, я ощущаю то же чувство, что и во сне. Где-то там, на Луне, или на этой Земле из моих сновидений живет он, мой старый друг...

В юности дружба достигает своего апогея. Это уже не те дурашливое мальчишеское “вожусь-не вожусь”, связанное с потребностью играть и соперничать. И не та взрослая рациональность, когда ты уже не ощущаешь в друге ежедневной необходимости. Дружба в юности – это генеральная репетиция того, что стоит выше. Чаще всего, поэтому, в молодости между людьми возникают странные отношения. Самые чистые, несмотря на разность или же сходство полов. В это время ты просто не можешь существовать без своего друга – кем бы он ни был, юношей или девушкой. И если судь-

ба вдруг разделит вас, вы пишете письма, по одному или по два в день – пишете, рассказывая все, что с вами происходит и о чем вы думаете, откровенно о сокровенном. А когда не пишете, то читаете и перечитываете письма, полученные от друга. Они составляют отныне смысл вашей жизни. Время от письма до письма проходит, как калейдоскоп несущественных мелочей, даже если вас в эти промежутки постигает неудача или, наоборот, Фортуна улыбается вам. Вы кладете это в копилку вашей памяти, чтобы и о том, и о другом поведать в письме. Когда вы снова оказываетесь вместе, то не можете наговориться, перебивая друг друга, рассказывая то, что уже было в письмах, и то, чего не было ни в них, ни в действительности. Вы делитесь мечтами и планами. Или пытаетесь понять мир, философствуя на такие темы, о которых написаны целые трактаты, которых вы, по молодости своей, еще не читали, а в будущем, по занятости своей, уже не прочтете. Темы эти так и останутся на том уровне, до которого вы дойдете в своих рассуждениях и спорах, или забудутся вовсе, за ненадобностью. За такими разговорами незаметно проходят ночи, но вы не боитесь тратить время, отведенное для сна и отдыха. Время словно дает вам кредит в молодости, чем больший, тем более строго взыскиваемый потом с высокими, неподъемными процентами. Разговоры эти кажутся вам самыми важными открытиями, которыми вы готовы удивить целый мир, но мир не понимает и никогда не поймет вас, и только друг согласно покивает в ответ и добавит что-

нибудь уточняющее...

2

Однажды мы с другом затронули одну из таких тем, дежу-ря в саду его двоюродной тетки, который приходилось раз в месяц охранять от непрошенных гостей. В садоводческих товариществах было правило – на ночной патруль собиралась небольшая группа по графику, сделанному на время созревания и уборки урожая. Я с удовольствием составлял компанию моему другу в этом, в общем-то, малоприятном деле. Почему-то накатывал сон именно тогда, когда нужно было, вооружившись фонариком и лопатой, выходить из теплого садового домика в росную ночную прохладу. Под звездным августовским небом молчаливые кроны деревьев казались существами из другой галактики, только что прилетевшими и притаившимися перед началом атаки. Хотелось поймать хоть кого-нибудь из охотников за чужими яблоками, но луч фонарика бесполезно блуждал по пустым закуткам сада. Мы возвращались в дом пить чай. Там нас ждала тетка с соседкой и ее внуком, а также самовар чаю. Начинались разговоры двух пожилых женщин об их молодости. Соседка рассказывала, как с ней в колхозе работал хороший парень, тракторист и мастер на все руки, за которым бегали девчата. Такой душевный был, играл на гармошке. Любила она его. И вот как-то раз случилась с ним беда – поковырялся в зу-

бах ржавым гвоздем и умер! Ещё что-то она рассказывала после того, как обе посетовали о том, какая нелепая бывает смерть. Потом они ушли на обход участков. Наступало утро, и нам уже можно было поспать. Но сон не приходил, и мы почему-то начали разговор о том умершем гармонисте. Почему мы умираем, что такое смерть, что такое душа и вообще – что такое человек? Мы высказывали свои соображения и пришли к выводу, что тело – это только часть человека, данная для пребывания в материальном мире, со всеми органами чувств, передвижения, пищеварения и так далее. А душа – это то, что составляет другую его часть, то, что является одновременно и частью чего-то большего, населяющего космос, вселенской души. И попадает эта частичка души в земное существо, как только происходит первое деление клетки. Нам стало так жаль наши бранные физические тела, которые всего лишь использовались как временная оболочка для некоего непонятого и непостижимого вселенского разума.

– Получается, – говорил мой друг, – что мы на самом деле всего лишь рабы – постареем и станем ненужными, а то, что в нас сидит, улетит обратно в космос и потом снова поселится в другом теле?

Я был настроен все же более позитивно:

– Ну да, зачем же вечно торчать в этой оболочке. Ты сольешься с единой душой космоса, а если захочешь, снова придешь на Землю или, быть может, на другую планету...

– Да, но ведь я ничего не буду помнить о своей прошлой жизни? – продолжал он.

– Послушай, ну будешь ты, скажем, кузнечиком. Зачем тебе тогда знать, что ты был человеком? – спросил я и почувствовал, что мои ноги от самых кончиков пальцев начали дрожать. Я посмотрел на своего друга и увидел, что с ним тоже происходит что-то странное.

– Ты ничего не чувствуешь? – поинтересовался я.

– Мне кажется, я выхожу из своего тела, – ответил он, слегка удивленно и в то же время испуганно.

3

Я слышал его тихий, вибрирующий голос и сам ощущал дрожь уже по всему телу, и даже больше – я не чувствовал ног. Я увидел, что потолок стал заметно ниже, и лампа над столом уже мешала глядеть на расширенные, немигающие глаза друга. Он словно оцепенел и смотрел не на меня, а куда-то вниз, где... сидело мое тело! Несомненно, это был я, только со стороны. Надо сказать, что с такого ракурса я себя никогда не видел. Смешная макушка, длинные, закрывающие лицо волосы, острые, худые плечи, тонкие ноги. Мое туловище вдавилось в спинку старого дивана, руки беспомощно лежали по бокам ладонями вверх. Я попробовал пролететь немного под потолком, и мне это удалось. "Как во сне!" – радостно подумал я, но в это время друг мой вскочил, на-

чал трясти меня за плечи и бить по щекам, беззвучно раскрывая рот. Потом он бросил меня и выбежал на улицу. Я полетел за ним, держась чуть выше, чтобы не задеть провода. Вдалеке мелькал из стороны в сторону фонарик, освещая то маленький пяточок на тропинке, то кусты по краям участков, вот он выхватил из темноты бегущую фигурку моего друга, и вместе с ним добежал до двух старушек. Они заторопились к домику, и впереди с фонарем бежал он. Я влетел вместе с ними в нашу комнатку, где не изменилось ничего, кроме моего положения – теперь я полулежал, накренившись набок, как плюшевая обезьянка. Мне почему-то стало смешно, но потом я увидел, как осела на пол тетка, хватаясь за сердце. Соседка стала что-то говорить моему другу, он быстро надел куртку и побежал в город. Я, не мешкая, полетел за ним. Он мчался через поле, натываясь на кочки, выбоины, едва не падая в траву. Краем рукава на бегу вытирал слезы. Он добежал до моего дома и позвонил. Все, что было потом, рассказывать очень трудно. Сначала я понял, что случилось страшное – я не смог проснуться, ведь я думал, что это сон. Я стал мучительно вертеться, жмуриться, таращить глаза и трясти головой, я взлетал и падал, но никак не мог достать до земли, почувствовать ее твердь. Я бросил своего друга и полетел обратно, но там уже стоял РАФик скорой, и двое в белых халатах несли что-то. Я спустился и увидел себя с расстегнутой рубашкой на носилках, голова моя беспомощно болталась в такт шагам. Позади шли тетка и ее соседка,

обе что-то на ходу говорили врачам. Я попытался занять свое привычное место, но тело меня не слушалось. Бывало, если во сне затекала рука, и я испытывал ощущение чего-то лишнего, лежащего рядом, и старательно и торопливо массировал тяжелую, бесчувственную конечность. Теперь я не чувствовал тела вообще, оно не пускало меня внутрь. Я лежал на нем, словно покрывало, старался мысленно ощутить его, пошевелить хоть кончиком мизинца – ничего! Все безуспешно. Страшный сон не кончался. Мною овладело такое отчаяние, какое я не испытывал даже когда умерла бабушка. Мне теперь по-настоящему стало жалко себя, и я с горечью вспомнил наш недавний разговор. Какой же я самонадеянный болван, решивший испытать свои предположения! Вот друг оказался умнее, он теперь живой. То есть это я теперь мертвый, а он остался там, в материальном мире. Я не ощущал его материальность – мои чувства стали только мыслями. Отныне я смогу только вспоминать и представлять чувства. Я внимательно посмотрел на свое лицо – на его странное выражение – брови остались слегка вздернутыми, как будто я удивлялся чему-то. Мой нелепый портрет дополнял полуоткрытый рот. Даже пока друг тормозил меня, пытаюсь привести в чувства, эта маска не сошла с моего лица. Невидимые слезы капали на него. Это были мои воображаемые слезы, но горечь, заполнявшая меня, была все-таки подлинной. Казалось, она разлилась по траве, как утренний туман. Скорая уехала, а я остался сидеть в холодной росе, глядя как начи-

нающийся рассвет отражается в ее каплях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.